

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Татьяна Геворкян, Марина Цветаева. Поэт. Прозаик. “В человеческом – больше всего – мать”. М., 2017, 510 с.

Имя доктора филологических наук Татьяны Геворкян хорошо известно в отечественных и российских филологических и, особенно, цветаеведческих кругах, и сама она закономерно и заслуженно удостоена российской литературной премии имени Марины Цветаевой (2015). Ее статьи публиковались в авторитетных филологических журналах¹, не единожды отмечались в качестве лучших публикаций в «Вопросах литературы», неоднократно участвовала она в конференциях, проводимых Домом-музеем Марины Цветаевой, им же была издана первая монография Т. Геворкян² и т.п., – и все же эта книга, появившаяся в юбилейный для Цветаевой год, оказалась в чем-то неожиданной и действительно волнующе новой.

Впрочем, неожиданной и ожидаемой в равной мере. Потому что, с одной стороны, перед нами блистательный итог двадцатилетней целенаправленной, глубоко осмысленной и прочувствованной посвященности творчеству Цветаевой, так что появление книги вполне ожидаемо и предсказуемо. С другой – сам подход к затрагиваемым темам, их сведение воедино и внутреннее движение тем и мотивов ново и неожиданно, требует от автора не только безусловной литературоведческой одаренности, но и особого аналитического склада ума.

Да и жанр книги довольно непривычен: Татьяна Геворкян определила его как *литературоведческое расследование*. А как иначе можно обозначить умение ухватывать ариадновы нити в лабиринте разножанровых текстов, черновиков, писем, «Сводных тетрадей», подмечать приметы и смыслы – те же драгоценные крошки Гензеля и Гретель, – которые позволят найти дорогу потерянным и заблудшим? Между тем для Т. Геворкян все эти «крошки» не случайны, а разбросаны Цветаевой адресно, с умыслом быть разгаданной, понятой, выведенной из лабиринта. «Вспомните того человека, которого спросили, зачем он так усердствует в своем искусстве, которое никто не может понять. “С меня довольно немногих, – ответил он. – С меня довольно одного. С меня довольно и ни одного”». Эти слова

---

¹ Целый ряд «цветаеведческих» статей Т.Геворкян публиковался, в частности, на страницах «Вестника Ереванского университета»; см. в этой связи: **Наталья Гончар. Марина Цветаева в ереванских публикациях и изданиях (1962-2017)**, «ВЕУ. Русская филология», № 3, 2017, с.3-20.

² **Татьяна Геворкян. На полной свободе любви и дара.//Индивидуальное и типологическое в литературных портретах Марины Цветаевой.** М, 2003, 384 с.

Монтеня Цветаева выбрала в качестве эпитафии к статье «Поэт о критике». Действительно, довольно и одного. Особенно если этот один убедительно и логично ведет нас по вехам цветаевской мысли, высвечивает продуманную последовательность слов и поступков поэта – идет ли речь о развитии поэтической мысли, переключке символов и образов, выстраивании ли жизненного или творческого сюжета.

Как не вспомнить цветаевские слова: «Два примера: суд и любовь. Каждый следователь и каждый любящий от данного часа идет назад, к истоку, к первому дню. Следователь – путь по обратному следу». Здесь же произошло счастливое соединение, предсказанное той же Цветаевой: «Критик: следователь и любящий».

О каком же следствии идет речь? Что расследуется, уточняется и определяется? Ответов, как минимум, три. Хотя бы потому, что книга Татьяны Геворкян трехчастна, и каждая из частей высвечивает и выстраивает одну из цветаевских граней, заявленных уже в названии: «Марина Цветаева. Поэт. Прозаик. «В человеческом – больше всего – мать»».

Посвящая первую часть поэзии Цветаевой 1921 – 1925 годов, Т. Геворкян опирается прежде всего на состав лирической книги «После России», но вместе с тем и на поэмы этого периода, трагедию «Ариадна», отраженное в дневниковых записях и черновиках биографически пророческое ощущение кануна конца – молодости ли, жизни ли в России, любовности. И именно с опорой на ключевые, повторяющиеся образы и мотивы, на логику разворачивания и раскрытия той или иной линии, в полемике с цветаеведами, не увидевшими, не заметившими тех или иных для нее (а благодаря ее зоркости – и для читателя) явных «ключей», она выводит ошеломительную *целенаправленность хода мысли* Цветаевой и поэтического строя ее последней книги стихов. Книги, которую Т. Геворкян прочитывает с самым пристальным вниманием к ее составу, структуре, композиции, языку, со всею чуткостью, пронизательностью всматриваясь в нее как в *целое*, как в претворение *единого лирического сюжета*.

Вторая грань и часть – о прозе. Казалось бы, вся о другом и о других. Но, анализируя портретные очерки Цветаевой, Т. Геворкян вновь скрупулезно точна и внимательна к деталям – датам, переключкам, пересечениям, встречам и невстречам, стихам и судьбам. И в результате из нитей, связующих поэтов, образуется не только понимание целостности цветаевского восприятия поэтов и поэзии, но и – неизбежно и (опять!) последовательно – складывается портрет самой Цветаевой, как отмечает автор, «свободно и непреднамеренно вписанный ею в эту большую родственно-родовую оправу».

Наконец третья часть книги посвящена Цветаевой-матери. Пожалуй, это самая тяжелая тема, зачастую либо стыдливо замалчиваемая любящими Цветаеву, либо, наоборот, одиозно выпячиваемая теми, кому вольготно

в чужом белье. Но, как заметил в свое время Герман Гессе, «хороший критик в такой мере сам является личностью и выражает свое индивидуальное отношение с такой резкостью, что читатель знает и чувствует, с кем имеет дело». Татьяна Геворкян – прекрасный критик. И значит, по определению, ни замалчивать, ни выпячивать не будет. Но – при всей деликатности темы – проявит к ней все тот же аналитический, последовательный и доказательный подход и, собрав «развезанные звенья причинности», высветит щемящую и беспощадную правду.

В итоге этого бесстрашного, умного и страстного литературоведческого расследования все три грани, три ипостаси сводятся воедино и перед нами во всей сивилловой трагедийной пророческой силе, самозабвенности и мощи, равно проявленной в поэзии, прозе и материнстве, предстает открытая и понятая глубоко и заново Марина Ивановна Цветаева.

ЛИЛИТ МЕЛИКСЕЛЯН